

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»***Нина Михайловна БАРАНОВА^a, Наталья Алексеевна ШЕВЦОВА^b,
Елена Григорьевна ДМИТРИЕВА^c**

^a кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
baranova_nm@rudn.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7201-9435>
SPIN-код: 1348-6462

^b кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
n_shevtsova@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8768-3144>
SPIN-код: 8807-6763

^c кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
elena@4433.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6736-1511>
SPIN-код: 7103-6971

* Ответственный автор

История статьи:

Получена 28.06.2018
Получена в доработанном виде 19.07.2018
Одобрена 10.08.2018
Доступна онлайн 15.10.2018

УДК

330.34+330.35+339.54.012.
435+338.22.01

JEL: F02, L52, O11, O33,
O38

Ключевые слова:

промышленная политика, отраслевая реструктуризация, наукоемкий сектор, глобальные цепочки стоимости, целевая эмиссия

Аннотация

Предмет. Современное состояние промышленности России, несмотря на достижения последних лет, не может служить основой для намеченного «прорыва». Когда в ведущих экономиках реализуются программы перехода на новый технологический уровень, «новая реальность» для России усугубляется внешними вызовами, и если медлить, то отставание от развитых стран станет непреодолимым.

Цели. Определение структурных параметров экономики, которые могут стать точками роста конкурентоспособности, анализ соотношения ПП и других видов госрегулирувания. Предложения, направленные на повышение эффективности ПП.

Методология. Использовались данные Росстата, ООН, ОЭСР, ВЭФ в Давосе, применялись метод экспертных оценок, сравнительный анализ, другие компаративные методики.

Результаты. Установлено, что инструменты ПП чувствительны к уровню компетентности государственного менеджмента, содержат коррупционные риски и нарушают принципы конкурентного рынка. Их альтернатива – так называемые институты открытого доступа. Однако институты в транзитивных экономиках несовершенны, и без процедур госрегулирувания сложно обеспечить успех догоняющего развития. Установлено, что интегрироваться в международное разделение труда надо вновь создаваемыми «сравнительными преимуществами» с опорой на опережающий рост высокотехнологичных производств. В связи с этим рассмотрен вопрос о «целевой кредитной эмиссии» как источнике финансирования наукоемкого сектора, поскольку практика «заимствования» знаний и технологий опасна консервацией научно-технической отсталости.

Выводы. Высказана гипотеза, что переход на уровень «Промышленность 4.0» будет сопровождаться «созидательным разрушением» многих глобальных цепочек стоимости, что создает «окно возможностей» для индустриального комплекса России.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2018

Для цитирования: Баранова Н.М., Шевцова Н.А., Дмитриева Е.Г. Промышленная политика России как драйвер экономического роста в условиях «новой реальности» // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2018. – Т. 14, № 10. – С. 1890 – 1903.
<https://doi.org/10.24891/ni.14.10.1890>

Введение

Основную мысль настоящей статьи можно определить словами Л. Эрхарда, написанными более полувека назад: *«современное и сознающее свою ответственность государство просто не может себе позволить еще раз вернуться к роли «ночного сторожа»* [1].

В настоящее время страны-лидеры, в том числе с развивающимися рынками, реализуют программы внедрения сетевых технологий, сокращения цикла создания нового продукта, интеграции производства и сферы услуг. «Новая реальность» для России усугублена внешними вызовами и заключена в латинской поговорке *periculum in mora* (опасность в промедлении).

В повестке дня – проблема выбора промышленной политики (ПП), ее соотношения с другими видами госрегулирувания. Является ли такая политика действенным средством отраслевой реструктуризации только для развивающихся экономик или ПП есть универсальный механизм исправления ошибок рыночной координации, связанных с появлением новых отраслей и агломерационных эффектов вне зависимости от странового контекста? А может быть правы те исследователи, кто принципиально против ПП как искажающей конкуренцию, кто в качестве альтернативы предлагает развивать «институты открытого доступа»?

Естественно желание иметь экономику, в которой существуют равные условия для всех отраслей, где действуют совершенные рыночные механизмы, где у бизнеса есть возможность выбирать и реализовывать инвестиционные проекты, где нет необходимости в ручном управлении. В сложных технических системах переход на

ручное управление свидетельствует о несовершенстве конструкции или ошибке оператора. В реальной экономике все не так однозначно, ее параметры подвижны. В первую очередь это относится к транзитивным экономикам, где институциональная среда не сформирована, где без процедур госрегулирувания сложно обеспечить успех догоняющего развития. Нобелевский лауреат Д. Норт отмечает, что институциональное развитие в развивающихся странах отличается от «линейного усвоения» институтов в развитых рыночных средах, а *«..институциональные нужды в этих регионах качественно отличаются от нужд развитых стран»* [2]. Практика показывает, что связь экономического роста и качества институтов (укрепление прав собственности, прозрачность бизнеса, минимум администрирования) носит противоречивый характер. С одной стороны, рост экономики способствует институциональному прогрессу: в «тучные нулевые» условия ведения бизнеса в России заметно улучшились. С другой стороны, даже глава Центра стратегических разработок А. Кудрин, предлагая сосредоточиться на совершенствовании институтов, признает, что при таком ведении дел к высоким темпам роста можно вернуться через 4–5 лет. Но фактор времени для России имеет колоссальное значение.

От чрезмерной концентрации внимания на корректировке формальных институтов предостерегают как иностранные, так и российские эксперты [3, 4]. Они указывают, что эти попытки *«основывались на неполном понимании поставленных задач»* [3], что *«порядок действия должен быть иным: сначала возврат к высоким темпам роста, потом – активные институциональные и структурные реформы»* [4]. Если же суммировать разноплановые оценки и рецепты, то в экспертном сообществе (как и среди должностных лиц) больше тех, кто убежден в невозможности решить структурные проблемы российской экономики институциональным путем. Среди аргументов – скромные результаты рыночных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке экономического факультета РУДН, научная тема № 060322-0-00.

Авторы выражают признательность д.э.н., проф. В.М. МАТЮШКУ за замечания и советы при работе над статьей.

преобразований в стране (особенно на фоне достижений Китая), что мотивируют отстраненностью государства (или отсутствием активной ПП). Ход и результаты российских реформ стали хрестоматией для критиков Вашингтонского консенсуса – «свода» рекомендаций для развивающихся стран, составленный в духе «конца истории» в ее экономическом преломлении, которые постулируют невмешательство государства в экономику (см. [5, 6]).

Очевидно, что ПП в любых ее проявлениях – это способ управлять, а в основе активной ПП лежит желание ускорить естественный ход событий. Такая политика во многом определяется субъективным фактором – степенью оппортунизма чиновников, уровнем их компетентности. Тем не менее резоны для имплементации ПП в российских реалиях более чем убедительны. Из всех отраслей промышленности в наибольшей степени устойчивое развитие обеспечивают инновационный сектор и вторичная обработка. После дефолта 1998 г. прирост в этих отраслях достигал 10%, но к 2012 г. темпы резко упали. Экономисты В. Осьмаков и А. Калинин указывают, что «индекс добавленной стоимости по разделу «Обрабатывающие производства» за 2016 г. оценивается Росстатом на уровне 101,1%, что меньше показателей сельского хозяйства (103,6%) и энергетики (102,6%)» [7].

Критическое значение результатов НИОКР побуждает государство взять на себя функции центра стратегического планирования и распространения новых технологий. Соответствующий закон № 171-ФЗ был принят в июне 2014 г., а спустя полгода – закон № 88-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». С тех пор прошло более двух лет, но сохраняется идеология дерегулирования. Приток инвестиций в сектор высоких технологий ставится в зависимость от позиции иностранных инвесторов. А там, где прямое воздействие на реальную экономику ограничивается вербальным уровнем, не «срабатывает» резюме

профессора Гарварда Д. Родрика: «...успешные экономики всегда опирались на государственную политику, а ПП никогда не выходила из моды»¹.

Переходу к активной ПП препятствует вера в мифологемы, в частности о государстве как априори неэффективном собственнике. Однако сравнительные примеры стран, с разной степенью успеха решающих задачи догоняющего развития, эту «идефикс» опровергают. После 2008 г. перед Китаем и Индией замаячила перспектива резкого сокращения профицита в торговле с США и ЕС, который с десятков лет обеспечивал азиатским гигантам опережающий рост ВВП. Индия сделала ставку на локальные проекты с привлечением местного бизнеса и иностранных инвесторов, а Пекин – на затратную бюджетную программу модернизации транспортного комплекса. Ее финансирование обошлось в сумму, соответствующую 7% ВВП Китая. Прошло 10 лет, и госкорпорация China Railway Rolling Stock Corporation (CRRIC) успешно конкурирует на глобальном рынке с германской Siemens, французской Alstom, японской Kawasaki, американской General Electric. Российские специалисты В. Матюшок, В. Красавина и др. [8] констатируют: «эти крупные инфраструктурные инвестиции стали важным фактором конкурентоспособности».

При сокращении странового экспорта в 2015 г. на 6,6%, иноконтракты в ж/д отрасли принесли в бюджет КНР 10,7 млрд долл. США (для сравнения: оружейный экспорт России в 2015 г. составил 14,5 млрд долл. США). Еще один пример – ТНК Lenovo, в которой государству (АН КНР) принадлежит 41% акций. Проблем для агрессивной экспансии вонне контрольный госпакет не создает. Другая навязчивая идея состоит в том, будто успех догоняющего развития напрямую коррелируется с уровнем политической демократии. Однако более известны примеры

¹ Rodrick D. The Return of Industrial Policy. 2010, April 12. URL: <https://project-syndicate.org/commentary/the-return-of-industrial-policy?barrier=accesspaylog>

обратного свойства: крохотный Сингапур, «медианные» Южная Корея, Чили, а теперь и Вьетнам; тот же Китай, у которого не сложились отношения с политической конкуренцией. Как указывает академик В. Полтерович, «несменяемая власть допускает длинный горизонт реализуемых программ, едва ли выполнимых при частых сменах правительств» [9] – как в той же Индии, крупнейшей демократии мира. А канадский аналитик М. Аткинсон замечает, что «даже в условиях... конкурентной демократии механизмы некорректного использования научных данных действуют вполне регулярно» [10].

Знаменательно, но реинкарнация ПП (и тоже не без влияния китайского фактора) происходит в развитых экономиках. Мировой кризис обнажил слабые места в индустриальной структуре США, которые не выдерживают конкуренции с азиатским гигантом. Дефицит торгового баланса с Китаем признан в США угрозой технологическому лидерству. Ведущие американские ТНК (не без «подсказки» со стороны государства) перешли к стратегии рещоринга и возвращают домой производственные мощности. Знаменательно, но первым критиком вывода за рубеж высокотехнологичных рабочих мест выступил не «изоляционист» Трамп, а его предтеча – «глобалист» Обама. Если рассуждать в терминах, близких к ПП, то под сомнение поставлен универсальный характер политики амбивалентного реагирования на «провалы» и рынка, и государства. Но термин «промышленная политика» в дискурсе мейнстрима воспринимается как носитель гена внеэкономического принуждения (что справедливо) и как шаг по направлению к административно-распределительной экономике (что неверно). Именно поэтому политику «ночного сторожа», раскритикованную еще Л. Эрхардом [1], предпочитают именовать «промышленной» ... с идентификатором «горизонтальная» – в отличие от «селективной» или «вертикальной» ПП, означающей поддержку государством

отдельных секторов и отраслей. Неоиндустриальные практики в США позволяют говорить о пришествии именно этого формата ПП.

«Все новое есть хорошо забытое старое». Вступление глобального рынка в состояние затяжной турбулентности стало неожиданностью для тех, кто в координатах моделей Вальраса – Парето придерживался равновесно-эволюционной парадигмы, в том числе – развития институтов. Хотя еще в середине 1950-х гг. Р. Солоу показал, что в темпах прироста экономики США до 3/4 имеют своим источником НТП. Открытие, за которое ученый удостоился Нобелевской премии (1987 г.), дало старт исследованиям влияния инноваций на различные аспекты экономического роста. В этом ряду наибольшую известность получила концепция «созидательного разрушения рынка» Й. Шумпетера, напомнившая о себе проявлениями протекционизма, которые оказывают разрушающее, но «созидательное» (с точки зрения политического руководства и промышленных кругов США) воздействие на принципы свободной торговли.

Технологическая составляющая промышленной политики

В эпоху «четвертой промышленной революции» – концепта, раскрытого в опубликованной в журнале *Foreign Affairs* статье основателя Давоса К. Шваба, ключевыми для экономического роста объявлены технологические новации². На смену постиндустриализму с его благостной парадигмой развития, где на глобальном рынке достойное место найдется каждому, приходит новая реальность с «разрывами постепенности», неоиндустриализацией и запросом на «экономический эгоизм». Главный вектор промышленной политики ведущих держав фокусируется на удержании лидерства или на восстановлении (как в нашем случае) технологической самодостаточности.

² Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. What It Means and How to Respond. *Foreign Affairs*. 2015, December 12. URL: <https://foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution>

В условиях устоявшихся индустриальных специализаций промышленная политика не может не учитывать статус «национальных чемпионов». Наши «чемпионы» – по большей части «сырьевики» или производят продукт с небольшой добавленной стоимостью. С этого ракурса понятны надежды на ПП, которая могла бы корректировать «провалы рынка» в отношении перелива капиталов в перспективные (с точки зрения государства) отрасли и перестраивать ущербный (с точки зрения будущего страны) экономический организм.

С одной стороны, этому препятствуют объективные обстоятельства – рентный тип поведения «чемпионов», что не противоречит мировому тренду. Анализируя данные заокеанских экономистов, Н. Иванова отмечает, что в среднем по промышленности США индекс наукоёмкости (НИОКР/продажи) составляет 4,5 пункта, по цифровым и биотехнологиям – более 10, и всего 0,5 – по «нефтянке» [11]. С другой стороны, Канада и Норвегия, приглашая иностранных инвесторов в проекты нефтедобычи, формируют заказ на передовые технологии с условием локализации производства. За несколько десятилетий наши соседи сняли проблему глубоководного бурения и создали машиностроение, которое котируется на внешнем рынке.

Для масштабного выхода на внешние рынки с конкурентным продуктом нужны технологическая модернизация и передовые технологии гражданского назначения. Вопрос, где их взять? Ряд исследователей обращаются к урокам советской индустриализации, где важную роль играли зарубежные технологии и разработки. Проводя параллели с днем сегодняшним, В. Оболенский и др. в своей монографии [12] отмечают, что «обновление основных фондов в российской экономике может быть обеспечено отечественным производством всего на 40%» (данные Института народнохозяйственного прогнозирования РАН). Отсюда вывод, что и сегодня сохраняется зависимость от внешних

источников. П. Минакир ссылается на неудачное реформирование РАН, что, по его мнению, делает «практически невозможной ...внутреннюю генерацию технологий» [13], однако научно-технический потенциал СССР довоенных лет несопоставим с современными возможностями.

Популярны ссылки на Китай, державу с амбициями и схожей биографией. Инновационному подъему страна действительно обязана заимствованным технологиям. Но Пекину «помогало» высокомерие западных партнеров, убежденных в неспособности китайцев «бросить перчатку» в плане создания собственных ноу-хау. Американский эксперт А. Крэбер в своей книге «Экономика Китая: что должен знать каждый» [14] высказывает мнение, что «Китаю XXI века не стать реинкарнацией Германии перед Первой мировой или СССР периода холодной войны; ...прогресс возможен, но не лидерство».

К России отношение другое. Достаточно сравнить покупку китайской Lenovo в 2004 г. подразделения систем IBM (которые до того обслуживали парк вычислительной техники Пентагона) и отказ General Motors (под давлением администрации Б. Обамы) продать Opel консорциуму Сбербанка России и канадской Magna. Напомним, что это событие, датированное 2009 г., случилось за пять лет до «войны санкций». США, похоже, не забыли, как тотальное огосударствление экономики («неправильное», с точки зрения рыночного канона) не помешало (или помогло?) нашей стране в середине прошлого столетия добиться впечатляющих результатов как раз в сфере технологической модернизации. Об этом помнят и в Европе. В ежегодном рейтинге ВЭФ Давоса «О глобальной конкурентоспособности»³ у КНР – 28-е место, а у РФ – 43-е. Но по строке «общее состояние экономики» Китаю присвоен средний уровень (*efficiency driven*), тогда как российскую экономику эксперты Форума ставят выше. Это

³The Global Competitiveness Report 2016–2017. World Economic Forum, Geneva.

свидетельствует о престиже российской науки, который сохраняется с советских времен.

Другим каналом трансфера технологий в Китай является «внутриэтническая» кооперация граждан КНР с китайской диаспорой: из 400 тыс. «технарей» – иностранных обладателей степеней PhD университетов США, 1/4 – выходцы из Поднебесной. По оценке специалистов Национального научного фонда США, за 2016 г., технологические связи США с Китаем сегодня теснее, чем с англоязычными сородичами – Англией, Канадой, Австралией, Новой Зеландией⁴. И на этой «площадке» опыт Пекина повторить не получится: «русский мир» – не конкурент хуацяо.

У России другое конкурентное преимущество: школы фундаментального знания, отраслевая наука, технические университеты мирового уровня. Как раз этих компетенций Китаю не хватает. Если в абсолютных цифрах Китай расходует на НИОКР несравнимо больше России, и по этому показателю приближается к США, то на фундаментальных исследованиях (в процентных долях к общим тратам) Пекин «экономит», уступая, по данным ОЭСР, не только США, но и РФ: 4,5% против 17,5 и 15% соответственно⁵.

Дефицит «креатива» стараются восполнить при помощи транспарентности глобального научно-технологического пространства, что вызывает негодование у соседей. Советник Обамы по национальной безопасности (март 2013 г.) открыто обвинил китайских партнеров в «изоциренном и целенаправленном воровстве... запатентованных технологий путем киберпроникновений в беспрецедентных масштабах»⁶. Те же претензии – у администрации Трампа. Пока же среди «пяти способностей» КНР к саморазвитию науки и техники профессор

⁴ Science and Engineering Indicators 2016 // A Broad Base of Quantitative Information on the U.S. and International Science and Engineering Enterprise. Arlington, 2016.

⁵ OECD. Main Science and Technology Indicator Database 2014–2017.

⁶ National Security Adviser Warns China on Cyber-Attacks // *The Free Beacon*. 2013, March 11.

пекинского университета Цинхуа Ху Аньган называет «способность государства к использованию глобальной информации». Но Пекин – не единственный, кто обладает этими способностями.

Формулируя технологический раздел ПП, надо определиться: разумно ли в условиях, когда «поход» «в атлантическую Каноссу» за новыми технологиями невозможен, когда в любое время разрываются соглашения и контракты, продолжать экономить на НИОКР, отказываясь от возможности самим извлекать интеллектуальную ренту? Ответ очевиден, но его реализация осложняется отрицательной динамикой человеческого капитала, вызванной отъездом большого числа грамотных специалистов и общим трендом на деиндустриализацию. По данным Н. Барановой, Л. Сорокина, Н. Шевцовой и др.⁷ [15], в числе факторов, тормозящих развитие, каждый пятый из числа руководителей научно-производственных объединений в стратегических и инфраструктурных отраслях назвал дефицит квалифицированных рабочих. Одно из решений – направлять часть прибыли не на бонусы и дивиденды, а на более позитивные цели. Это вопросы корпоративного уровня, но они регулируются в рамках промышленной политики государства.

Внешнеэкономический аспект промышленной политики

В Стратегии – 2020 «Новая модель роста – новая социальная политика» отмечается, что «возможности для участия российских компаний в международных цепочках создания стоимости, способные ослабить сырьевую специализацию России, до сих пор не задействованы»⁸.

⁷ Shevtsova N., Baranova N., Dmitrieva E. Industrial strategy as a tool of restructuring in the context of “new reality”: VII International Scientific Conference “New trends, strategies and structural changes in emerging markets”. Moscow: RUDN, 2018. P. 27–28.

⁸ Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. «Стратегия – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика». URL: <http://2020strategy.ru/documents/32710234.html>

Отметим, что в этих сетевых структурах наибольшую отдачу на инвестиции получают те компании, которые контролируют выход на рынок или занимаются НИОКР. Как правило, это бизнесы из стран ОЭСР. Исключения не часты, но вызывают в США острую идиосинкразию. Сошлемся на недавний запрет использовать программное обеспечение Лаборатории Касперского и гонения на разработчика суперкомпьютеров – компанию «Т-Платформы», которая на американской земле выиграла тендер у конкурентов – Dell и Hewlett Packard. Спустя три месяца (март 2013 г.) компания попала в Список организаций и лиц, действующих вопреки национальной безопасности и внешнеполитическим интересам США, и в течение года находилась под санкциями. Юридическая формулировка министерства торговли США «подверстана» под правила ВТО, но сути это не меняет: бизнес наукоемкой компании из России в течение года находился под запретом. «Хозяйствующие субъекты» получили четкий сигнал: свяжитесь с российским хайтэком – понесете убытки (если, разумеется, ему нет альтернативы, как в случае с ракетными двигателями для НАСА или с доставкой астронавтов на МКС).

К сожалению, американский рынок токсичен для наукоемкого продукта из России. Нечестная конкуренция – не единственная проблема, связанная с участием российских компаний в международном разделении труда. Звенья цепочек с низкой добавленной стоимостью – обычно удел развивающихся экономик, и выгоды от заимствования *second-hand* от технологий создают структурную ловушку на пути догоняющего развития. Наукоемкие производства «автохтонов» дезинтегрируются, высокие переделы оказываются на «голодном пайке», происходит разрушение целых отраслей.

Самый известный пример подобного свойства – это гражданское авиастроение. Несмотря на перипетии 1090-х гг., Россия благодаря своей

науке (университетской и отраслевой) сохранилась как авиационная держава, и ТНК Boeing – интегратор одной из ГЦС авиастроительного профиля – открыла в Москве конструкторский центр, крупнейший за пределами США. Кроме прочего, Boeing выступил одним из инициаторов создания семейства региональных самолетов Sukhoi Superjet-100. Но на этом рынке работают канадские Bombardier, китайские ARJ-21, японские MRJ, бразильские Embraer. А концентрация производителей на узком пространстве делает конкуренцию деструктивной, поскольку стремление нарастить предложения ухудшает условия торговли.

Другая история касается судьбы «Антонова» – авиастроительной фирмы, единственной во главе своей цепочки, которая способна была нарушить олигополию на рынке широкофюзеляжных аэробусов. Но после украинского кризиса произошел разрыв кооперационных связей харьковского КБ с российскими смежниками. Теперь Россия собирается строить дальнемагистральный CRJ-900 в сотрудничестве с Китаем (куда переехали многие специалисты «Антонова»), а Boeing и Airbus получили несколько «бонусных» лет передышки.

А пока в международном разделении труда российский бизнес участвует преимущественно как поставщик углеводородов. В публикации А. Гнидченко анализируется база данных департамента ООН по международной торговле за период с 2002 по 2011 г. [16]. Согласно этим данным, доля экстенсивной составляющей в росте экспорта товаров и услуг, на которых страна ранее не специализировалась, у РФ одна из самых низких в мире: 6% против 38% у Штатов, и 22% – у Китая. Сегодня этот показатель улучшился, но за счет сельхозпродукции, которая хоть и возобновляемый, но все же «простой» продукт. Кризис еще раз показал, что рост экспортной маржи возможен только при торговле наукоемким продуктом.

Примером тому служит Китай, который доминирует в мировой торговле благодаря стратегии усложнения экспорта: от одежды, обуви, игрушек к бытовой технике, а затем – к смартфонам и компьютерам. Доля доходов от внешнеэкономической деятельности в ВВП КНР выросла к концу «нулевых» до 35%, и только сегодня, по мере роста внутреннего потребления, снизилась до 25%. Тот же путь выбрал Узбекистан, который вышел на устойчивые темпы роста, создав с нуля технологичную отрасль со 100%-ной локализацией производства автомобилей. В то время как его соседи, которые эксплуатируют традиционные «сравнительные преимущества» (электроэнергетику в высокогорном Таджикистане и природный газ в Туркмении), особого прогресса не достигли.

В современной теории международной торговли критерий эффективности экспортных специализаций связывают с усложнением и обозначают термином *leaning by doing* – обучение в процессе производства. Если с этого ракурса рассматривать заказ на ПП, то такая политика должна способствовать насыщению индустриального комплекса страны наукоемкими производствами, а успех на внешних рынках будет зависеть от цены предложения и скорости превращения опытного образца в товар. Не избежать и мер регулятивного характера. Помимо общих задач преодоления нетарифных барьеров, у каждой страны-экспортера есть своя специфика. С учетом нашей географии приоритет надо отдавать экспортной логистике, включая субсидирование железнодорожных и контейнерных перевозок.

Неопределенность в мировой торговле поднимает роль импортозамещения, которое в России стало важным элементом ПП. Большинство инициатив правительства в этом направлении связано с реакцией на многолетнюю и неадекватную открытость внутреннего рынка. Подтверждающий пример – «индекс ограниченности ПИИ», рассчитываемый специалистами ОЭСР для крупнейших стран, не входящих в эту

организацию⁹. Индекс России за 2016 г. (0,187) оказался меньше, чем у Индии (0,212) и Китая (0,327). То есть для прямых инвестиций из развитых стран российская экономика более открыта, чем у коллег по БРИКС, хотя Китай с Индией растут быстрее. Вместе с тем длинный инвестиционный цикл, связанный с реконструкцией старых и созданием новых производств, не позволяет оперативно отслеживать перемены во внешней конъюнктуре. Именно поэтому протекционизм, не компенсируемый стимулированием экспорта, рискует сделать самые продвинутые в научно-техническом отношении компании неконкурентными.

«Новая реальность» обернулась для российской экономики оживлением «экономического эгоизма». Западные конкуренты создают препятствия отечественным разработчикам цифровых платформ и волей-неволей задают повестку дня ПП: как, зачем и что менять во внешнеэкономических приоритетах.

Но... «времена меняются, и мы вместе с ними». Совсем недавно в определенных кругах табуировалось понятие «промышленная политика», которое сегодня прочно вошло в научный дискурс. Новая архитектура внешних связей должна в большей степени учитывать возможности эндогенных факторов роста. Кроме того, переход ведущих экономик на уровень «Промышленности 4.0» будет сопровождаться «созидательным разрушением» многих производственных цепочек, что открывает «окно возможностей» для российских компаний, в первую очередь наукоемкого сектора. Эти вопросы должны найти отражение во внешнеэкономической редакции ПП.

Инвестиционное сопровождение промышленной политики

Наша эпоха ассоциируется с *brainfacturing* (производством посредством интеллекта) и

⁹ OECD FDI Regulatory Restrictiveness Index. URL: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?datasetcode=FDIINDEX#>

«прирастает» малым инновационным бизнесом, который после Шумпетера традиционно рассматривается как среда, способствующая деятельности новаторов. Многие идеи рождаются в стартапах, у которых есть потенциал роста, но мало шансов удерживать конкурентные позиции. Приоритетная задача ПП в сегменте малого бизнеса заключается в создании условий, помогающих новаторам расширять масштабы своей деятельности. Наличие мощных вертикально интегрированных отраслевых структур (ВИС) облегчает выход на глобальные рынки, но требует зачастую экстраординарных усилий государства. Поэтому с учетом идей «Промышленности 4.0», связанных с робототехникой, нейро- и цифровой экономикой, геной инженерией, наилучшие перспективы стать драйвером индустриального роста есть у среднего бизнеса, свободного от корпоративных «скреп» и не отягощенного большим числом бюрократических надстроек. Доходы от деятельности таких компаний помогут также улучшить бюджетную обеспеченность регионов, однако с непременным условием: предложение инфраструктуры (и это одна из задач ПП) не должно отставать от спроса инвесторов на площадки для размещения производств.

Структурный маневр, связанный с переходом к инновационной экономике, требует серьезных вложений. Для рыночной среды оптимальным ресурсом являются внутренние накопления, основу которых в российских реалиях составляют средства предпринимателей. Их активация зависит от привлекательности форм государственно-частного партнерства, а инвестиционным критерием ПП логично считать *отношение объемов частных инвестиций к средствам бюджетной поддержки*. Но до тех пор, пока преобладают кредитные схемы под залог активов, этот институт будет восприниматься как фактор риска, связанный с опасностью передела собственности. Сегодня российскому бизнесу интереснее не инновационные проекты с дальним горизонтом планирования

и не технологические стартапы, а торгово-посреднические сюжеты. С одной стороны, здесь стоит присмотреться к опыту Китая, где так называемые «иррациональные инвестиции» на сумму свыше 5 млн долл. США подлежат согласованию с государством. С другой стороны, как отмечает экономист С. Балашова, «*государственные расходы РФ нельзя признать стимулирующими для увеличения инновационной активности частного сектора*» [17].

Российская Федерация – крупнейший собственник промышленных активов, и федеральный центр аккумулирует большую часть рентных поступлений. Но финансирование через специализированные формы поддержки научно-производственных структур ограничено из-за постепенного сокращения резервных фондов. На этом фоне в экспертном сообществе развернулась дискуссия о целевой кредитной эмиссии¹⁰, которая за счет внутренних ресурсов поможет насытить внутренний рынок «длинными деньгами» и снять проблему «долгоиграющих» кредитных линий из-за рубежа, которые находятся под санкциями уже несколько лет. Банки, допущенные к эмиссионному кредитованию, должны будут регулировать процентные ставки исходя из рентабельности конкретной производственной сферы, получая в ответ преференции по расчетам отдельных нормативов.

Оппоненты возражают. Даже если все льготные средства будут расходоваться в строгом соответствии с инвестиционным заданием, эмитированные рубли через выплату зарплат, услуг контрагентов и покупку оборудования попадут на валютный рынок, вызовут всплеск инфляции и нанесут удар по главному достижению последних лет –

¹⁰ Идея «кредитной эмиссии» принадлежит так называемым «глазевцам». Их оппоненты, «кудринцы», выступают против. Но поскольку последние со своим экономическим курсом обанкротились, то были вынуждены согласиться, выставив условие эксклюзивности кредитования (Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2017. № 5). Авторы предлагают и обосновывают компромисс: эмиссионная поддержка не промышленного комплекса в целом, а только наукоемкого сектора.

макроэкономической стабильности. Кроме того, целевая эмиссия нивелирует значение кредитной ставки, смысл которой – «отсекать» нерентабельные проекты.

На наш взгляд, такой финансовый инструмент, как эмиссионное кредитование – целесообразен. Но использовать его следует секторально, сфокусировав на поддержке наукоемких производств, имеющих перспективу на внешних рынках. Мы исходим из следующих соображений. Как и во время дефолта 1998 г., в индустриальном комплексе есть избыток незадействованных мощностей. По экспертным оценкам В. Осьмакова и А. Калинина, «доля неконкурентоспособных мощностей составляет от 17% в производстве транспортных средств и до 26% в производстве машин и оборудования» [7]. Тогда удалось простимулировать восстановление обрабатывающих отраслей, а сегодня на товарных рынках доминируют иностранные фирмы. Спрос на продукцию отечественного машиностроения упал: импортный «сель» «нулевых» разрушил многие российские производства, лишив их конкурентных компетенций. Учитывая масштаб проблемы, реанимировать индустриальный комплекс при помощи такого рискованного антидота, как кредитная эмиссия, опасно.

Однако подчеркнем, что кризис, который переживает обрабатывающая промышленность, вызван не объективными причинами, не пресловутым «ресурсным проклятием», а стал следствием экономического курса, который долгие годы проводился правительством страны.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать вывод: с учетом консервативной внешней среды особенно важна роль адекватной промышленной политики. При этом властям нужно находить взаимопонимание с представителями науки и стратегически ориентированного бизнеса. Неправильно, когда роль экспертного сообщества сводится лишь к предоставлению данных, нужны общественные обсуждения альтернативных проектов и программ. В большей мере востребованным должен стать потенциал небольших исследовательских коллективов из университетов, отраслевых и академических институтов, которые заинтересованы как в развитии собственных компетенций, так и в повышении научно-образовательного статуса своих учреждений.

Список литературы

1. Эрхард Л. Благополучие для всех. М.: Начало-Пресс, 1991. 336 с.
2. Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгайт Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 6.
3. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественные науки. Способы объяснения системного провала. М.: НИУ ВШЭ, 2015. С. 80.
4. Ивантер В.В., Порфирьев Б.Н., Широков А.А. Экономический рост и экономическая политика России // ЭКО. 2014. № 2. С. 59.
5. Полтерович В. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. Вып. 2.
6. Матюшок В.М. Проблемы стратегии экономического развития России в условиях глобализации: монография. М.: Изд-во РУДН, 2002. 368 с.
7. Осьмаков В., Калинин А. О стратегии развития промышленности России // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 46.

8. *Матюшок В., Красавина В.* Новые тренды в мировой экономике // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2016. № 10. С. 6.
9. *Полтерович В.* Промышленная политика: рецепты или институты // Журнал новой экономической ассоциации. 2014. № 2. С. 190–195.
10. *Atkinson M.* Policy, Politics and Political Science // *Canadian Journal of Political Science*. 2013. Vol. 46. Iss. 4. P. 751–772. URL: <https://doi.org/10.1017/S000842391300084X>
11. *Иванова Н.* Инновационная политика: теория и практика // *Международная экономика и международные отношения*. 2016. № 1. С. 6.
12. *Внешнеэкономические связи России: современные вызовы и возможные ответы:* колл. монография / под ред. В.П. Оболенского. М.: Институт экономики РАН, 2016. 296 с.
13. *Минакир П.* Промышленная политика // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2014. № 2. С. 184.
14. *Kroeber A.* *China's Economy, What Everyone Needs to Know*. N.Y.: Oxford, University Press, 2016. 320 p.
15. *Баранова Н., Сорокин Л.* Влияние человеческого капитала на устойчивое развитие экономики // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. Т. 13. Вып. 9. С. 1641–1655. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.9.1641>
16. *Гнидченко А.* Декомпозиция роста экспорта на экстенсивную и интенсивную составляющие с учетом сравнительных преимуществ // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2014. № 4. С. 38–64.
17. *Балашова С.* Оценка влияния государственной системы финансирования НИОКР на предпринимательский сектор (на примере стран ОЭСР) // *Прикладная эконометрика*. 2015. № 2. С. 64–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/otsenka-vliyaniya-gosudarstvennoy-sistemy-finansirovaniya-niokrn-predprinimatelskiy-sektor-na-primere-stran-oesr>

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

INDUSTRIAL POLICY OF RUSSIA AS AN ECONOMIC GROWTH DRIVER IN A NEW REALITY

Nina M. BARANOVA^{a,*}, Natal'ya A. SHEVTSOVA^b, Elena G. DMITRIEVA^c

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
baranova_nm@rudn.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7201-9435>

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
n_shevtsova@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8768-3144>

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
elena@4433.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6736-1511>

* Corresponding author

Article history:

Received 28 June 2018
Received in revised form
19 July 2018
Accepted 10 August 2018
Available online
15 October 2018

JEL classification: F02, L52,
O11, O33, O38

Keywords: industrial policy,
sectoral restructuring,
knowledge-intensive industry,
global value chains, special
issue

Abstract

Importance Notwithstanding the recent achievements, the contemporary industrial sector of Russia cannot become the platform for further breakthrough. While the leading economies reach a new technological level, Russia has to deal with external challenges, thus lagging behind the developed countries.

Objectives The research attempts to determine structural characteristics of the economy, which may become points of growth in competitiveness. We also analyze the consistency of industrial policy and other types of governmental regulation. The article outlines our suggestions for making the industrial policy more efficient.

Methods The research draws upon data from the UN, OECD, World Economic Forum and applies the expert assessment method, comparative analysis and other comparative techniques.

Results The industrial policy tools are found to be susceptible to the competence level of governmental authorities, implying corruption risks and undermine the competitive market principles. They can be substituted with the so called open access institutions. However, economies in transit do not have perfect institutions. So, it is difficult to succeed in the outstripping development without governmental regulation procedures in place. Comparative advantages are proved to be a channel to the international division of labor, focusing on the outstripping growth in high-tech production. Thus, we consider the issue of special credit issue as a source of finance for the knowledge-intensive sector since borrowing of knowledge and technologies may push the country into a long-standing scientific and technological backwardness.

Conclusions We assume that Russia will be able to attain the Industry 4.0 level by constructively breaking many global value chains, thus opening opportunities for Russia's industrial sector.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2018

Please cite this article as: Baranova N.M., Shevtsova N.A., Dmitrieva E.G. Industrial Policy of Russia as an Economic Growth Driver in a New Reality. *National Interests: Priorities and Security*, 2018, vol. 14, iss. 10, pp. 1890–1903.
<https://doi.org/10.24891/ni.14.10.1890>

Acknowledgments

The article was supported by the Department of Economics of the People's Friendship University of Russia, research project No. 060322-0-00. We express our gratitude to Vladimir M. MATYUSHOK, Doctor of Economics, Professor, for comments and instructions on the article.

References

1. Erhard L. *Blagosostoyanie dlya vseh* [Wohlstand für Alle]. Moscow, Nachalo-Press Publ., 1991, 336 p.
2. North D., Wallis J., Webb S., Weingast B. [In the Shadow of Violence: Lessons for Societies with Limited Access to Political and Economic Activities]. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 3, p. 6. (In Russ.)
3. Hedlund S. *Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennye nauki. Sposoby ob'yasneniya sistemnogo provala* [Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science]. Moscow, NRU HSE Publ., 2015, p. 80.
4. Ivanter V.V., Porfir'ev B.N., Shirov A.A. [Economic growth and economic policy in Russia]. *EKO = ECO*, 2014, no. 2, p. 59. (In Russ.)
5. Polterovich V. [Institutional traps and economic reforms]. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and Mathematical Methods*, 1999, vol. 35, iss. 2. (In Russ.)
6. Matyushok V.M. *Problemy strategii ekonomicheskogo razvitiya Rossii v usloviyakh globalizatsii: monografiya* [Problems of the Russian Economic development strategy in globalization: a monograph]. Moscow, RUDN Publ., 2002, 368 p.
7. Os'makov V., Kalinin A. [On the strategy for industrial development in Russia]. *Voprosy Ekonomiki*, 2017, no. 5, p. 46. (In Russ.)
8. Matyushok V., Krasavina V. [New trends in the global economy]. *FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya = FES: Finance. Economy. Strategy*, 2016, no. 10, p. 6. (In Russ.)
9. Polterovich V.M. [Industrial policy: recipes or institutions?]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2014, no. 2, pp. 190–195. (In Russ.)
10. Atkinson M. Policy, Politics and Political Science. *Canadian Journal of Political Science*, 2013, vol. 46, iss. 4, pp. 751–772. URL: <https://doi.org/10.1017/S000842391300084X>
11. Ivanova N. [Innovation policy: Theory and practice]. *Mezhdunarodnaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2016, no. 1, p. 6. (In Russ.)
12. *Vneshneekonomicheskie svyazi Rossii: sovremennye vyzovy i vozmozhnye otvety* [Foreign economic relations of Russia: modern challenges and possible answers]. Moscow, IE RAS Publ., 2016, 296 p.
13. Minakir P.A. [Industrial policy]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2014, no. 2, p. 184. (In Russ.)
14. Kroeber A. *China's Economy, What Everyone Needs to Know*. Oxford University Press, 2016, 320 p.
15. Baranova N.M., Sorokin L.V. [An impact of human capital on the sustainable economic development]. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2017, vol. 13, iss. 9, pp. 1641–1655. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.9.1641>
16. Gnidchenko A. [Decomposing export growth into extensive and intensive margins with the emphasis on comparative advantages]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2014, no. 4, pp. 38–64. (In Russ.)

17. Balashova S. [The impact of public R&D policy on business-funded R&D (case of OECD countries)]. *Prikladnaya ekonometrika = Applied Econometrics*, 2015, no. 2, pp. 64–78.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/otsenka-vliyaniya-gosudarstvennoy-sistemy-finansirovaniya-niokrna-predprinimatelskiy-sektor-na-primere-stran-oesr> (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.